

Максим Бочкарёв

Восщие

Максим Бочкарев

Высшие

<https://litres.ru/74280477>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятнадцать цивилизаций. Пятеро хранителей. И одна планета, которая помнит все. Я не даю ответов. Я просто рассказываю историю. Дальше решайте сами.

Содержание

Глава	4
Введение	5
Глава 1. Те, кто устал от вечности...	7
Глава 2. Те, кто не умел ждать...	21
Глава 3. Те, кто не заметил своей смерти	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Максим Бочкарев

Высшие

Глава

Введение

Уважаемый читатель, прежде чем вы откроете первую страницу и погрузитесь в повествование, я хочу сказать несколько слов. И не для того, чтобы оправдаться или предупредить, а для того чтобы мы с вами сразу договорились.

Все, что изложено в этой книге - моя личная, авторская точка зрения.

Альтернативная. Не научная, не религиозная, не претендующая на истину в последней инстанции. Я не археолог, не историк, не палеонтолог. Я писатель и моя работа - придумывать миры, населять их существами, давать им имена и судьбы.

Если вы скептик - тот, кто требует доказательств, фактов, ссылок на раскопки, закройте эту книгу. Пожалуйста. Не тратьте свое время. Я не собираюсь никого переубеждать, доказывать, спорить. Моя задача, рассказать историю. Ваша - решить, верить в нее или нет.

Но если вы когда-нибудь смотрели на звезды и чувствовали, что там, наверху, кто-то есть. Если вы просыпались ночью от ощущения, что за вами наблюдают и не могли понять - страх это или утешение. Если вы ловили себя на мысли, что древние люди знали больше нас, просто не умели записать свои знания в учебники.

Если все это про вас, тогда добро пожаловать.

Эта книга о тех, кто был здесь до нас - о *цивилизациях*, которые пришли и ушли, оставив после себя только память в камнях, в воде, в генах. О *Высших* - существах, которые видели все, от рождения Земли до сегодняшнего дня.

Здесь нет документальных подтверждений. Нет фотографий, нет артефактов и записей в анналах истории. Есть только мое слово и мое воображение.

Но, может быть, этого достаточно. Может быть, мы слишком привыкли верить только тому, что можно потрогать. А то, что можно почувствовать мы отвергаем.

Я не призываю вас верить мне, я призываю вас задуматься. Вдруг все было именно так? Вдруг мы не первые, не лучшие, не единственные? Вдруг за нашей спиной - миллиарды лет, миллионы существ, тысячи попыток стать разумными?

Книга, которую вы держите в руках это моя версия. Я старался сделать ее интересной, трогательной, а местами даю вам видеть между строк. Я не писал учебник, я писал историю. С надеждой, что кто-то прочтет и скажет: «А ведь действительно, почему бы и нет?»

Для скептиков - спасибо за внимание, всего доброго. Для остальных - приятного чтения!

Мы начинаем .. .

Ваш Максим Бочкарёв

Глава 1. Те, кто устал от вечности...

В самом начале, когда солнечная система только-только скинула пелену раскаленного газа и пыли, Земля была не тем, что мы знаем сейчас. Вы, уважаемый читатель, наверное, представляете себе голубой шар с белыми облаками, синими океанами и зелеными лесами. Ничего подобного...

Земля тогда походила на огромный, бесконечно уставший костер. Она шипела, стонала, выплевывала из недр огненные реки. Небо над ней было низким, тяжелым, цвета запекшейся крови. Ни ветра, ни облаков, ни даже намека на воздух, которым можно дышать. Вокруг клубились ядовитые пары, углекислый газ, метан, аммиак и все это перемешивалось в таком адском коктейле, что ни одно живое существо из нынешних не продержалось бы здесь и мгновения.

Но живых существ в нашем понимании тогда еще не было. Было только ожидание. И были они...

Их было пятеро. Точнее, даже не «было» в том смысле, который мы вкладываем в это слово. Они присутствовали, они существовали здесь всегда, с того самого мига, когда Творец, которого позже назовут Вышним, выдохнул их из своих уст вместе с первым светом. Или с первым камнем, или с первой

мыслью о том, что этому миру нужны глаза и руки. Творец не объяснял. Он редко что-то объясняет, даже тем, кого любит больше всего.

Так они и стояли - пятеро свидетелей собственного рождения. Вокруг них кипела, взрывалась, застывала и снова плавилась молодая планета. А они стояли, смотрели и учились. Потому что учиться пришлось всему, даже тому, как дышать в этой безумной, раскаленной пустоте.

Уважаемый читатель, не спрашивайте меня, как они выглядели. Сейчас, спустя миллиарды лет, когда я пишу эти строки, трудно подобрать слова для того, что не имело формы. Они были и это главное. Они были плотнее, чем камень и тоньше, чем свет, они чувствовали боль Земли, потому что сами были частью этой боли. И они чувствовали друг друга, потому что ничего другого вокруг еще не было.

Первого из них звали *Ведарь*.

Если бы вы могли его увидеть, вы бы сказали, что это сгусток темно-красного свечения, который все время пульсирует, как огромное сердце, замурованное в скалу. Но скал тогда не было. Была только лава, которая остывала на глазах, трескалась и снова плавилась под напором новых подземных толчков. Ведарь стоял на этом краю и учился чувствовать твердь.

Он был самым терпеливым из пятерых. Может быть, оттого, что он первым понял простую и страшную вещь: время

здесь будет длиться невыносимо долго и торопиться некуда. Совсем некуда.

Второго звали *Улад*.

О, это был странный Высший. Даже по тем странным временам. Если Вedarь походил на застывающую магму, то Улад напоминал то, чего на Земле еще не существовало. Он был томлением, ожиданием, обещанием. Внутри него клубилась, перекачивалась, никак не могла успокоиться какая-то первородная, еще не рожденная стихия. Сейчас мы назвали бы ее водой. Тогда о воде не знал никто, даже сам Улад. Он просто чувствовал, что должен когда-то родиться из него покой, мягкость, скольжение.

Но пока он задыхался в этом мире без влаги. Он стоял рядом с Вedarем, смотрел на лавовое озеро и кажется, завидовал даже этой жидкой, огненной смерти. Потому что она двигалась, она текла, а он стоял и ждал.

Третьим был *Зарник*.

Вот кого я пожалуй побаивался бы, встретив в те времена. Зарник был светом, но светом диким, необузданным. Он вспыхивал, как молния и так же быстро гас. Он метался от одного края Земли к другому, пытаясь разделить день и ночь, но они тогда были одним целым - бесконечным, серым, липким полумраком. Зарник бесился, взрывался, ослеплял сам себя и снова затихал, обессиленный.

- Ну почему здесь так темно?! - кричал он, хотя криком это нельзя было назвать. Крики тогда не придумали. Это была мысль, такая громкая, что от нее трескалась кора.

- Я должен все это осветить! Я создан для этого!

- Ты создан для того, чтобы ждать, - отвечал ему спокойный, вязкий, как застывающая лава, голос Ведаря. - Мы все созданы для этого.

Зарник злился еще больше, вспыхивал и улетал в другой конец планеты, чтобы там устроить такой же бессмысленный фейерверк.

Четвертой была *Тужь*.

Уважаемый читатель, обратите внимание - я сказал «четвертой», а не «четвертым». Потому что Тужь была женщиной. В том смысле, который мы, люди, вкладываем в это слово гораздо позже. Она была началом, из которого позже вырастет забота, нежность, материнство и та самая способность плакать по уходящим, которую ни один Высший мужского начала так до конца и не освоил.

Тужь была самой молодой из пятерых. Она появилась на свет последней, когда Земля уже остыла настолько, что на ней можно было стоять, не проваливаясь в магму. И она сразу же заплакала.

- Почему мы здесь одни? - спросила она и голос ее был похож на шелест самого тонкого песка, который ветер (когда появится ветер) будет гонять по дюнам.

- Потому что так задумано, - ответил ей *Кресень*. Пятый.

Кресень не говорил. Кресень делал. Он был самым старшим, самым молчаливым и самым сильным из пятерых. Его стихией было творение. Не из ничего, это умел только Вышний. А из того, что есть - из лавы он создавал первые кристаллы, из пепла - первые осадочные породы, из своего собственного, безмерного терпения - само время.

Когда другие метались, злились, завидовали или плакали, Кресень стоял на одном месте и ковал. У него не было молота, не было наковальни. Его руки сами высекали искры, которые застывали в странные, причудливые формы. Позже люди назовут их минералами, рудами, драгоценными камнями. Тогда это были просто слепки памяти, ибо Кресень боялся забыть.

Он боялся, что если перестанет творить, то они все растворятся в этом бесконечном, безликом, ничейном пространстве и тогда Земля останется одна. А одной ей не выжить...

Вот так они и жили первые несколько миллионов лет. Если, конечно, можно назвать жизнью это бесконечное, утомительное ожидание. Сутки на Земле тогда длились каких-то пять-шесть часов. Планета вращалась быстро, как волчок и Вышие никак не могли к этому привыкнуть. Только нач-

нешь ковать новый кристалл - глядь, а уже снова ночь. Только успокоишься после очередной вспышки Зарника, а вот и новый рассвет.

Время мельтешило, как мошкара над болотом. Оно не текло, оно несло вскачь, захлебываясь собственной быстротой. И от этого в головах Высших поселилась странная, тягучая, еще не знакомая им усталость.

Уважаемый читатель, вы спросите, а зачем вообще все это? Зачем Вышний создал этих пятерых, если вокруг была только пустота, лава и ядовитые испарения?

Хороший вопрос! Я и сам задавал его себе не раз, перебирая в памяти эти древние, почти стершиеся образы.

Наверное затем, чтобы кому-то было жалко этот безжизненный шар, чтобы кому-то было больно за него, чтобы кому-то хотелось плакать, глядя на его бесконечные, никому не нужные муки.

Ведь без свидетелей даже катастрофа не имеет смысла.

Так думала Тужь, и плакала. И слезы ее, еще не соленые, не горькие, а просто прозрачные, как первый лед, падали на остывающую кору и тут же испарялись, потому что атмосфера Земли была для них слишком горячей.

Но однажды случилось то, что разделило время на «до» и «после».

Зарник, очередной раз взбесившись от бессилия, ударил своим светом в самую твердую, самую старую породу, которую успел создать Кресень. Удар был такой силы, что поро-

да раскололась. Из трещины вырвался не жар, не пламя, не ядовитый газ. Из трещины вырвалось нечто иное.

Это была *мысль*.

Но не мысль Высшего, не их громкое, требовательное, рвущееся наружу желание. Это была мысль иная - тихая, как вздох, медленная, как движение материка (а материков тогда еще и не было). И очень-очень древняя...

- Вы пришли, - сказала мысль.

Высшие замерли. Даже Зарник погас на мгновение, ослепленный не светом, а этим спокойным, всезнающим присутствием.

- Кто ты? - спросил Ведарь. Он сказал это не мыслью, а выдохом. Впервые за миллионы лет Ведарь выдохнул слова. Они обожгли ему гортань (хотя гортани у него тогда еще не было), но он повторил:

- Кто ты?

- Мы - те, кто были всегда, - ответила мысль. И она была не одна. Из трещин в породе, из глубин, из самого центра планеты стали выбираться другие. Они светились приглушенным, усталым, очень мудрым светом. Они не имели формы, они были просто сгустками чистой, первородной энергии. Они проходили сквозь камни, как сквозь туман. Они смотрели на Высших с любопытством, но без страха и им было все равно.

Уважаемый читатель, вы уже догадались. Это были *Первые*. Та цивилизация, о которой я вкратце упоминал в своей

книге «Яга». Те, кто не рождался и не умирал, те кто просто был.

Высшие смотрели на них, а они на Высших и в этом молчаливом, бесконечно долгом взгляде уместилась целая вечность.

- Вы похожи на нас, - сказал один из Первых. - Но вы... другие и у вас есть имена. Зачем вам имена?

- Чтобы знать, кто есть кто, - ответил Кресень. Он не удивился. Он, кажется, ждал этого момента с самого начала.

- Для чего знать? - спросил Первый. - Есть только мы и пустота, а теперь еще и вы. Разве этого не достаточно?

Достаточно или нет, никто из Высших тогда не ответил, потому что ответа не знал никто.

Так началась первая эпоха Земли. Не та, о которой пишут в учебниках по геологии. А та, о которой можно прочитать только в памяти Высших.

Первых было много. Они жили не в пещерах, не в городах, не в морях - их морем была сама планета. Они плавали в магме, как рыбы в воде. Они впитывались в скалы, как вода в песок. Они не строили, не воевали, не любили, не боялись.

Они просто познавали...

Это было их единственным занятием, их смыслом, их своего рода религией. Они впитывали информацию о Вселенной из каждого атома, из каждого кванта света, из каждой дрожи земной коры. Они знали, сколько звезд в галактике и какие законы управляют их рождением и смертью. Они зна-

ли, как из простого водорода получается сложная жизнь, понимали, что такое время и в чем его суть.

Но они не знали, что такое скука.

Это знание пришло к ним позже и оно стало их проклятием.

Первые тысячелетия Высшие наблюдали за ними, как за диковинным, прекрасным, непонятым явлением. Ирий (тогда он еще не назывался так, но я буду использовать эти имена для простоты) учился у них терпению. Усад - покою. Тужь - мудрости, не замешанной на слезах.

Зарник же завидовал.

- Почему они могут светиться так ровно, так спокойно? - спрашивал он у Кресня. - Почему у меня не получается?

- Потому что ты это ты, - отвечал кузнец. - А они это они. Не сравнивай.

Но Зарник все равно сравнивал. Он метался между Первыми, пытаясь заговорить с ними, но они отвечали ему такими долгими, такими всеобъемлющими мыслями, что он терялся в них, как в лабиринте и выходил оттуда еще более злым и потерянным.

А время шло, сутки удлинялись и Земля остывала. Появились первые участки твердой коры, на которые можно было ступить не проваливаясь в магму. Кресень наконец-то смог ковать как следует - его кристаллы росли, множились, складывались в причудливые горные цепи.

Усад все еще маялся, ему снилась вода, снились реки,

озера, океаны, хотя он понятия не имел, что это такое. Ему снился дождь - теплый, ласковый, который мог бы остудить его извечную, глубинную жажду.

Но дождя не было и не будет еще очень долго.

Первые между тем начали меняться. Высшие заметили это не сразу - слишком медленно шли изменения. Но однажды Тужь, которая чутко спала (а Высшие тогда еще не понимали, что такое сон, они просто выключались на время, как лампочки), вдруг открыла свои прозрачные, вечно влажные глаза и сказала:

- Они устали.

- Кто? - спросил Ведарь. Он как раз учился отличать твердую породу от мягкой и не хотел отвлекаться.

- Первые. Они... они перестали познавать.

Это было страшное открытие. Высшие бросились проверять. И правда - те сгустки света, которые еще недавно мерцали с такой жадной, ненасытной любознательностью, теперь едва теплились. Они не задавали вопросов, не впитывали информацию, а просто висели в пространстве, как старые, забытые фонари, в которых почти не осталось масла.

- Что с вами случилось? - спросил Зарник. Он впервые говорил тихо, почти испуганно.

- Мы познали все, - ответил один из Первых. Тот самый, который первым заговорил с ними. Он выглядел... бледнее, что ли, его свет почти погас. - Мы знаем, как устроен каждый

атом, как умирают звезды, откуда взялась Вселенная и куда она движется. Нам больше нечего познавать.

- Но это же прекрасно! - воскликнул Зарник. - Знать все!

- Нет, — ответил Первый. - Это скучно.

Вот оно - то самое слово, которого так боялись Высшие, о котором они даже думать себе не позволяли.

Скука...

Она поселилась в Первых, как ржавчина и поедала их свет изнутри. Один за другим они начинали замирать, прильнув к поверхности Земли. Они не умирали — они просто уходили. В камень, в песок, в те самые кристаллы которые так старательно ковал Кресень.

- Останови их! - кричала Тужь. Она не знала, как помочь, но ей было так больно, так тоскливо смотреть на этот тихий, добровольный уход. - Ты можешь их остановить! Ты же кузнец!

- Я кузнец, - ответил Кресень. - Но я не могу перековать то, что устало быть собой.

И он ковал новые кристаллы, в которые превращались уходящие Первые, вплетал в них их память, их знания, бесконечную, всеобъемлющую мудрость. Он делал все, что мог, но этого было мало.

Последний из Первых уходил особенно долго. Он не хотел уходить, но и оставаться не хотел тоже. Он стоял на краю лавового озера (которое уже почти остыло и превращалось в каменную равнину) и смотрел на пятерых Высших.

У него еще хватало сил на мысли.

- Мы были первыми, - сказал он. - Но мы не были правильными.

- Кто же тогда правильный? - спросила Тужь. Она плакала и слезы ее впервые не испарялись.

- Не знаю, - ответил Первый. - Может быть те, кто придет после нас, может быть вы, а может быть и никто.

Он посмотрел на Улада. Пристально, долго, словно пытаясь разглядеть в этом сухом, измученном жаждой Вышем то, что было скрыто от всех.

- Ты дождешься, - сказал он. - Это твое наказание и твоя награда. Ты дождешься воды, а потом жизни, но ты будешь помнить нас всегда.

- Я уже помню, - прошептал Улад. - Я не смогу забыть.

- Это хорошо, - ответил Первый. - Значит, мы не зря здесь были.

Он замер и его свет погас. Тело (если можно назвать телом сгусток энергии) рассыпалось в мелкую, серебристую пыль, пыль подхватил ветер. Да, ветер тогда уже появился - слабый, неуверенный, но настоящий.

Он развеял Первого по всей Земле. Частицы его света попали в океан (который еще только собирался появиться), попали в скалы, попали в те самые кристаллы, которые хранил Кресень и Земля стала другой.

Она запомнила, впитала в себя память о первой, самой древней, самой мудрой цивилизации. Эту память не вытра-

вить никакими катаклизмами. Она будет жить в каждом камне, в каждой капле воды, в каждой клетке каждого живого существа, которое когда-либо появится на этой планете.

И Высшие остались одни - пятеро на всю Землю.

Тужь плакала, Зарник молчал - впервые в жизни, Ведарь окаменел, Кресень ковал.

А Усад смотрел на то место, где только что стоял последний из Первых и учился ждать. Ждать по-настоящему. Не миллион лет, это были бы цветочки, а столько, сколько требуется.

Он не знал, что пройдут эпохи, сменятся цивилизации, придут и уйдут карлики, великаны, водоплавающие и те, кого люди назовут богами. Он не знал, что когда-нибудь, очень не скоро, он встретит странную, полную противоречий женщину, которая будет напоминать ему и Первых своей мудростью и самого себя своим томлением.

Он не знал, что его назовут Водяным, а Ведарь со временем превратится в Лешего и что у них будет общая любовь и общая боль, он не знал ничего.

Он просто ждал и плакал вместе с Тужь.

А Земля вращалась, сутки становились длиннее. климат менялся. Приближалась новая эпоха, в которой у разумных существ появится не только мудрость, но и жестокость, не только познание, но и страх, не только жизнь, но и смерть.

Но это случится очень нескоро.

Сначала придут другие, кто не умел ждать, кто построил

первый город и тут же разрушил его, кто назвал себя богами и тут же умер.

О них - следующая глава.

А пока, тишина... Пятеро Высших на остывающей, пустынной, наконец-то затихшей планете. Ветер развеивает серебристую пыль. Кресень поднимает с земли кристалл - самый большой, самый чистый и прячет его в свою память.

- Мы не забудем, - говорит он. - Обещаю.

И это обещание сильнее любого камня...

Глава 2. Те, кто не умел ждать...

Уважаемый читатель, вы когда-нибудь задумывались, почему из всех существ, когда-либо населявших Землю, только люди придумали слово «скоро»? Нет, не так. Они придумали не только слово, они придумали само понятие - торопливость. Желание получить все и сразу, не дожидаясь ни урожая, ни заката, ни даже собственной смерти.

Первые, о которых я рассказал в предыдущей главе, умели ждать. Они вообще не знали, что такое время, потому что жили в нем, как рыба в воде. Для них тысячелетие было как один вздох. Они не торопились познавать, они просто впитывали знания, как губка. И когда познали все, что можно, они не испугались пустоты. Они просто ушли в нее, растворились, превратились в камень и пыль.

Это был достойный уход. Мудрый. Спокойный.

Но пришедшие им на смену не были ни мудрыми, ни спокойными.

О, нет!

Уважаемый читатель, если вы думаете, что следующая эпоха стала золотым веком гармонии и просвещения, вы глубоко ошибаетесь. Вторая цивилизация Земли была шумной, громкой, нетерпеливой до безумия и гордой до тошноты. Ее представители не ждали - они брали. Не познавали - они за-

воевывали. Не впитывали - они кромсали.

Они называли себя гигантами и они не умели ждать.

Но обо всем по порядку...

Прошло около двух миллиардов лет после того, как погас последний из Первых. Два миллиарда это очень много, даже по меркам Высших. За это время Земля неузнаваемо изменилась. Она остыла настолько, что на ее поверхности могли стоять не только Высшие, но и любые другие создания, если бы они тогда существовали. Появились первые материки - не те, что мы знаем сейчас, а странные, исковерканные, вечно дрейфующие куски коры, которые сталкивались, разбегались и снова сталкивались в бесконечном, медленном танце.

Океаны родились. Сначала они были горячими, как суп и насыщенными минералами до такой степени, что вода казалась зеленой, а местами даже черной. Но со временем они остыли, посветлели и в них появилась жизнь. Не разумная, нет - просто жизнь. Первые бактерии, водоросли, странные мягкотелые создания, которые ползали по дну и даже не подзревали, что когда-то над их головами проплывут гигантские ящеры, а потом придут люди и назовут это все эволюцией.

Воздух тоже изменился, теперь им можно было дышать. Не нам, конечно, ведь уровень кислорода был еще слишком низким, а углекислого газа слишком высоким. Но некоторые существа уже пробовали выползать на сушу, делали несколько неуверенных шагов и возвращались обратно в воду, каш-

ляя и отплеываясь.

Высшие за это время тоже изменились. Они не стали старше, ибо понятие возраста для них вообще не имело смысла. Но они стали... опытнее. Да, пожалуй, это самое подходящее слово.

Ведарь теперь не просто чувствовал твердь. Он управлял ею - поднимал горные цепи одним движением мысли и опускал их на дно океана, если ему казалось, что они стоят не на том месте. Он научился отличать полезные породы от бесполезных и даже начал собирать их в определенных местах так, чтобы будущим поколениям было удобнее добывать руду. Он не знал, зачем это делает. Просто интуиция подсказывала: пригодится.

Услад наконец-то дождался воды. Уважаемый читатель, вы не представляете, что это было за событие - первый дождь. Первая река, проложившая себе русло в камне. Первое озеро, гладкое, как зеркало. Услад стоял на берегу (тогда еще просто на краю воды, потому что слова «берег» не существовало) и плакал. Не от горя - от радости. Он столько ждал, столько миллиардов лет томился и вот - вода пришла. Она была везде - в океанах, в реках, в туманах, в облаках.

Услад нырнул в океан и больше оттуда не вылезал целую эпоху. Он плавал, нырял, изучал течения, разговаривал с первыми рыбами (которые тогда еще не умели разговаривать, но внимательно слушали) и был счастлив. По-настоящему. Впервые за все время.

Зарник успокоился. Нет, он не перестал быть вспыльчивым, это было бы слишком. Но он научился управлять своим светом. Он отделил день от ночи, создал первые сутки, которые длились уже не пять-шесть часов, а почти двадцать. Придумал времена года, хотя они тогда были не такими, как сейчас, а очень размытыми, нечеткими. И он впервые за всю свою бесконечную жизнь почувствовал, что делает что-то полезное.

Тужь стала старше. Не по годам, но по опыту. Она перестала плакать по каждому пустяку, хотя слезы все еще были ее главным оружием и главной слабостью. Она научилась чувствовать не только боль Земли, но и ее радость. Тепло вулкана, удовольствие от того, что новый материк наконец-то встал на место. Тужь записывала все это в свою память, чтобы потом, когда появятся те, кто сможет понять, передать им.

Кресень оставался самим собой. Он ковал все время, не переставая. Его кристаллы теперь были не просто памятью о Первых, они были архивом всего, что происходило на Земле. Каждое извержение вулкана, каждое движение материка, каждая новая рыба, родившаяся в океане, все это застывало в кристаллах Кресня. Он не знал, зачем это делает. Просто понимал, что когда-нибудь это пригодится. Когда-нибудь придет тот, кто сможет прочитать эти кристаллы.

И вот, когда Высшие уже привыкли к мысли, что они навсегда останутся одни на этой планете, случилось то, что они

никак не ожидали - Земля начала рожать.

Не в прямом смысле, конечно. Но из ее недр, из глубин, из самых горячих и темных мест вдруг начали подниматься новые существа. Они не были похожи на Первых. Первые были энергией, светом, мыслью. Эти же были плотью, кровью, костями.

Они были огромными. Такими огромными, что даже Кресень, привыкший к масштабам планеты, невольно отступил на шаг, когда первый из них вылез из земного проема.

Он был ростом с небольшую гору. Не с холм - а именно с гору! Его кожа напоминала кору древнего дерева, только дерева тогда еще не было. Она была серой, грубой, покрытой глубокими трещинами, из которых сочилась какая-то светящаяся жидкость. Его глаза - два огромных, мутных озера смотрели на мир с недоумением и одновременно с жадностью.

- Где еда? - спросил он.

Это были его первые слова. Не «кто я», не «зачем я здесь», не «откуда этот свет». Просто - «где еда».

Уважаемый читатель, вы можете посмеяться над этим. Но я, знающий, чем кончила эта эпоха, не смеюсь. Потому что вопрос о еде это самый честный вопрос, который когда-либо задавало живое существо. Все остальное второстепенно...

Высшие переглянулись (хотя переглядываться тогда еще не умели, но смысл вы поняли).

- Еды нет, - ответил Ведарь. - Есть камни, есть вода, есть

воздух. Но еды... еще не придумали.

Гигант (а это был именно гигант, самец, как позже выяснилось) нахмурился. Его лицо, и без того похожее на скалу, стало еще более неприступным.

- Тогда я найду еду, - сказал он. И ушел.

Он ушел в океан. Потому что там, как ему показалось, было что-то, что можно пожевать - водоросли, мягкотелые твари, ил.

Он набрал полный рот этой дряни, прожевал, скривился и выплюнул.

- Гадость, - сказал он.

Потом подумал и добавил:

- Но еда.

Так началась вторая цивилизация Земли.

Гиганты плодились быстро, очень быстро. Слишком быстро для такой медленной, такой неторопливой планеты. Каждые несколько тысяч лет из недр вылезал новый великан и каждый был больше предыдущего. Они не умирали, а просто росли до определенного предела и останавливались. Потом начинали стареть, но старели так медленно, что это было незаметно даже для Высших.

Их общество было простым, как удар молота. Есть вожак - самый старый, самый большой, самый опытный. Есть остальные - его братья, сыновья, внуки, правнуки, которых он даже и не помнил по именам, потому что имен у них не было. Были клички - громкие, как раскат грома.

- Скалолом! - кричал один.
- Рекоступ! - отвечал другой.
- Небодер! - ревел третий.

Они любили громкие имена и вообще все любили делать очень громко. Шагали так, что земля дрожала. Ели так, что трещали челюсти. Дрались так, что горы сворачивали.

Да, уважаемый читатель, они дрались постоянно! Из-за еды, из-за самок, из-за места под солнцем (которое, кстати, было таким горячим, что гиганты обгорали, если оставались на открытом пространстве слишком долго).

Высшие сначала пытались их утихомирить.

- Зачем вы деретесь? - спрашивал Улад, выглядывая из воды. - Еды много, земли много, всего много.

- Мы деремся, чтобы узнать кто сильнее, - отвечал вожак. Его звали Громобой. Он был самым старым, самым большим и самым злым из всех. - Слабые не имеют права жить.

- Но вы же не умираете от драк, - заметил Ведарь. - Вы просто калечите друг друга, а потом раны заживают и вы деретесь снова.

- Это и есть жизнь, - ответил Громобой. - Вечная драка, вечная проверка себя.

Высшие не поняли. Они вообще многого не понимали в этой новой, грубой, такой непохожей на прежнюю цивилизации.

Первые были мудрыми, но уставшими.

Гиганты были сильными, но глупыми.

Их ум развивался совсем не так, как у Первых. Если Первые впитывали знания, как губка, то гиганты добывали их силой. Они не сидели на месте и не размышляли о строении атома, а шли в горы и били по ним кулаками, пока те не рассыпались. А из обломков складывали пирамиды - просто так, чтобы было. Они не знали, зачем им пирамиды. Просто вождь сказал «строить», и они строили.

Они строили города. Города гигантов были не похожи на то, что вы, уважаемый читатель, привыкли видеть в фильмах про древние цивилизации. Никаких изящных колонн, никаких мраморных статуй, никаких фонтанов. Города гигантов были просто нагромождениями камней - огромных, грубо обработанных, поставленных друг на друга кое-как. В этих каменных мешках можно было спрятаться от солнца, от ветра, от дождя и от врагов. Потому что враги у гигантов появились очень скоро.

Это были те, кого гиганты называли «кусачими». Юркие, зубастые твари, которые жили в океане и иногда выползали на сушу, чтобы отложить яйца. Они были размером с небольшого гиганта ну или может с половину. И они были очень злыми. Потому что гиганты ели их яйца. Так на Земле впервые появилась война. Не драка, не спор, не выяснение отношений, а именно война. С убийствами, с пленными, с разрушенными городами и сожженными яйцами.

Высшие были в ужасе.

- Они уничтожат друг друга, - сказала Тужь. Она смотрела

на поле битвы, где два десятка гигантов рубились с полусотней кусачих и плакала. - Зачем? Зачем они это делают?

- Они защищают своих детей, - ответил Кресень. Он ковал кристалл, в который записывал эту бойню. - Это инстинкт. Они не могут иначе.

- Но они могут договориться! - воскликнула Тужь. - Разделить территорию! Не трогать яйца кусачих!

- Попробуй объясни это Громобою, - усмехнулся Зарник. - Он тебя самого сожрет вместе с твоими предложениями.

И Тужь попробовала...

Она пришла к Громобою, когда тот отдыхал после очередной битвы. Он лежал на боку, жевал какую-то тушу (не кусачего, а огромное морское животное, выброшенное на берег) и довольно урчал.

- Громобой, - сказала Тужь. Она старалась говорить тихо, ласково. - Зачем вы воюете? Вы же сильнее кусачих. Вы можете просто... не трогать их яйца и они тогда не будут трогать ваших детей.

Громобой перестал жевать. Он посмотрел на Тужь своими мутными, озерными глазами и вдруг рассмеялся. Так громко, что обрушилась часть его собственного города.

- Ты маленькая, - сказал он, - не понимаешь. Война это не из-за яиц, война это потому, что мы сильные, а сильные должны доказывать свою силу. Каждый день, каждый миг. Если мы перестанем воевать, то перестанем быть сильными.

- Но вы же и так сильные, - возразила Тужь. - Самые силь-

ные на Земле!

- Этого мало, - ответил Громобой. - Силу нужно подтверждать, иначе она уходит.

Он поднялся, отшвырнул тушу и пошел к океану. Ему нужно было смыть с себя кровь и свою и чужую.

Тужь осталась стоять среди развалин. И впервые за все время она подумала не о боли Земли, а о боли тех, кто на ней живет. О странной, нелепой, самоубийственной гордости, которая заставляет сильного доказывать свою силу снова и снова, пока он не упадет замертво.

Это было новое чувство. Тяжелое, липкое, неприятное. Тужь не знала, как его назвать. Позже люди назовут это «стыдом». Стыдом за тех, кто не умеет остановиться.

Эпоха гигантов длилась гораздо дольше, чем эпоха Первых. Потому что гиганты не уставали от жизни, они вообще не знали, что такое усталость. Они могли сражаться тысячи лет, строить и разрушать, рожать детей и хоронить их, снова сражаться, снова строить, снова рожать.

Это было бесконечное, бессмысленное, прекрасное и ужасное время.

Высшие наблюдали за ними и учились. Не мудрости, нет, этого у гигантов не было, а терпению и умению не вмешиваться, когда тебя не просят. Умению смотреть на боль и не закрывать глаза.

Однажды, когда гиганты уже освоили не только сушу, но и океан (да, они научились плавать, хотя делали это очень

неуклюже, поднимая волны высотой с десятиэтажный дом), среди них появился тот, кто изменил все - его звали Мыслящий.

Уважаемый читатель, не смейтесь, для гиганта это имя было оскорблением. Мыслящий это не громко, не сильно, не победно. Это тихо, слабо и постыдно.

Но Мыслящий действительно думал. Не так, как Первые, те знали все, поэтому им не нужно было думать. А так, как человек - перебирая варианты, сомневаясь, ошибаясь, снова начиная.

Он пришел к Высшим не с требованиями и не с жалобами. Он пришел с вопросом.

- Почему мы воюем? - спросил он. - Я уже сто лет пытаюсь понять, но не могу.

- Потому что вы сильные, - ответил Ведарь. - А сильные доказывают свою силу.

- Но если мы самые сильные, - возразил Мыслящий, - зачем нам кому-то что-то доказывать? Разве сила не самодостаточна?

Высшие переглянулись. Впервые гигант задал вопрос, на который у них не было готового ответа.

- Не знаем, - честно сказал Кресень. - Мы тоже думаем над этим. Уже два миллиарда лет и пока безрезультатно.

Мыслящий сел на землю (для него земля была просто землей, не холодной, не твердой, а просто опорой) и задумался.

- А что, если... - начал он, потом замолчал, потом снова

начал. - Что, если мы перестанем воевать? Просто возьмем и перестанем, что тогда будет?

- Тогда вы станете слабыми, - ответил Зарник. - Ваш вожак так говорит.

- А что, если он ошибается? - спросил Мыслящий.

Это был вопрос, который разрушил эпоху гигантов.

Потому что Громобой не ошибался. Он был прав. Как только гиганты перестали бы воевать, они действительно стали бы слабыми. Не физически, куда там, их мускулы никуда бы не делись. А морально. Они потеряли бы смысл жизни. А существо без смысла жизни долго не живет.

Мыслящий попробовал переубедить Громобоя. Он пришел к нему в город, который стоял на самой высокой горе, и сказал:

- Давай не воевать! Давай строить! Строить города, которые не разрушатся. Создавать то, что останется после нас.

Громобой посмотрел на него сверху вниз и усмехнулся.

- Что останется после тебя, Мыслящий? - спросил он. - Твои мысли. Но мысли не видно, их не потрогать. Ими нельзя ударить врага, нельзя защитить детей. Твои мысли это чистая слабость!

- Но это единственное, что не умирает, - тихо сказал Мыслящий. - Тела умирают, города рушатся. Даже горы со временем становятся песком, а мысли остаются. Если их записать и передать другим.

- Записать? - переспросил Громобой. - Не понимаю!

Он не знал, что такое «записать». Гиганты не умели писать, они умели только говорить - громко, надрывно, как будто каждое слово было последним.

Мыслящий не ответил и ушел. Он ушел в пещеру, которая находилась глубоко под землей, где было темно и сыро и где никто не мешал ему думать.

Он думал тысячу лет, потом еще тысячу, потом еще. И он даже не подозревал, что в почти каждой последующей цивилизации будут появляться подобные ему инакомыслящие отщепенцы и что судьбы их будут печальны и очень-очень схожи...

За это время Громобой состарился. Его кожа потрескалась, глаза помутнели, руки уже не могли поднимать такие тяжести, как раньше, но он не сдавал власть. Он не умел сдавать власть, он умел только умирать с ней.

И он умер. Прямо на поле боя, во время очередной схватки с кусачими. Он стоял в центре, размахивая огромной дубиной (которую сам выстрогал из целого дерева, а деревья тогда были высотой с небоскреб) и вдруг замер. Его сердце - огромное, горячее, размером с небольшое озеро, остановилось.

Громобой упал и Земля содрогнулась.

Кусачие, не веря своему счастью, бросились на гигантов. И те, оставшись без вожака, побежали. Впервые за всю историю гиганты бежали с поля боя.

Они бежали в океан, в горы, в подземелья и прятались там,

где кусачие не могли их достать. Но кусачие были везде - они лезли в пещеры, они плавали в океане, карабкались на горы.

Война, которая длилась миллионы лет, закончилась за одно десятилетие.

Гигантов больше не было...

Остались только их города - груды камней, которые постепенно зарастали мхом (мох тогда уже появился, да). Остались их кости, которые позже люди будут долго и мучительно идентифицировать. Остались их дети, которые родились уже после смерти Громобоя и которые не знали, как жить без войны.

Этих детей Высшие спрятали. Каждого в своем убежище. Ведарь спрятал одного в самой глубокой пещере.

Усад в океанской впадине, где даже кусачие не могли достать.

Зарник в жерле потухшего вулкана.

Тужь под корнями огромного дерева (огромного, раскидистого, с корнями, уходящими в самое сердце Земли).

Кресень в своем кристалле. Он заточил последних трех гигантов в такой глубокий сон, что те даже не почувствовали, как пронеслись эпохи.

Уважаемый читатель, вы спросите - а что же Мыслящий? Тот, кто хотел записывать мысли? Тот, кто пытался остановить войну?

Он так и остался в своей пещере. Он не умер, он просто уходил вглубь Земли, все дальше и дальше, туда, где даже

Высшие не всегда могли его найти.

Он много думал... Думал о том, что такое сила, что такое слабость? О том, почему одни побеждают, а другие проигрывают, хотя и те и другие одинаково хотят жить.

Иногда, когда на поверхности становится особенно тихо, Мыслящий выходит из своей пещеры. Он смотрит на звезды, на океан, на леса, которые выросли на месте его родины. Он смотрит на Высших, которые стали такими же древними, как сама Земля и он шепчет одно слово.

Мы не знаем, что это за слово. Может быть - «надежда». Может быть - «любовь», а может быть - «прощение».

А может быть, просто - «зачем».

После ухода гигантов Земля снова опустела и Высшие вновь остались одни. Тужь больше не плакала, ибо выплакала все слезы еще во время той страшной, бессмысленной войны, Зарник тоже стал реже вспыхивать, Услад ушел в глубину океана и не показывался на поверхности целую эпоху, Кресень ковал. Ковал без остановки, как заведенный. А Ведарь...

Ведарь стоял на самой высокой горе, которая осталась после гигантов и смотрел вдаль.

- Что дальше? - спросил он. Но никто конечно ему не ответил.

Тогда он спустился с горы, подошел к океану, зачерпнул пригоршню воды и вылил ее на камень.

- Вода слабее камня, - сказал Ведарь. - Но она точит его

веками. Может быть, следующая цивилизация будет не такой сильной, как гиганты. Но она будет терпеливой, как вода...

Он не знал, что пройдут еще сотни миллионов лет, прежде чем появятся те, кого он ждал. Не знал, что этими «терпеливыми» окажутся странные существа, кого позже назовут карликами и водоплавающими и чья эпоха будет не менее жестокой, чем эпоха гигантов.

Но он знал главное - Земля не должна быть пустой. Никогда...

И пока есть хотя бы один Высший, способный ждать, она никогда не будет пустой.

Это их главная задача и их главное проклятие.

А теперь, уважаемый читатель, если вы не устали, я расскажу вам о третьей цивилизации. О тех, кто не воевал, не строил огромных городов и не придумывал громких имен. О тех, кто просто жил и умер. И не заметил разницы.

Но это будет в следующей главе.

А пока тишина... Океан шумит... Ветер развеивает пыль с костей гигантов. Кресень кладет в свою коллекцию новый кристалл - розовый, прозрачный, с одним-единственным воспоминанием: Мыслящий выходит из пещеры, смотрит на звезды и шепчет.

Мы не знаем, что он шепчет.

Но кажется, это важно...

Глава 3. Те, кто не заметил своей смерти

Уважаемый читатель, вы когда-нибудь задумывались, каково это - жить, не зная, что такое смерть? Нет, я не про бессмертие в том смысле, в каком оно существует у Высших. Они-то как раз знают, что такое уход. Они видели, как затухали Первые, сраженные не болезнью и не старостью, а скукой. Они видели, как падали гиганты, убитые не клинком, а собственным неумением остановиться.

Но есть существа, которые вообще не понимают, что значит «перестать быть». Для них жизнь это просто очень длинное «сейчас». Без вчера, без завтра, без страха и без надежды.

Третья цивилизация Земли была именно такой.

Прошло около двухсот миллионов лет после того, как погибли последние гиганты. Двести миллионов это много даже для Высших, хотя они уже привыкли считать время не годами, а эпохами. За это время Земля снова изменилась...

Материки разбежались и теперь они походили на огромные льдины, дрейфующие по вязкой, горячей мантии. Они сталкивались, разъезжались, снова сталкивались и каждый раз это сопровождалось землетрясениями, извержениями

вулканов и рождением новых горных цепей. Воздух стал почти пригодным для дыхания. Кислорода в нем было уже достаточно, чтобы существа с легкими могли ползать по суше, не задыхаясь.

Океаны кишели жизнью. Рыба, моллюски, такие странные, усатые черви, что любой современный биолог сошел бы с ума, пытаясь классифицировать их по видам! Но это были еще не разумные существа. Просто жизнь, много жизни...

Высшие за это время стали еще старше. Не по годам разумеется, но по опыту. Тужь перестала плакать, она научилась улыбаться, хотя улыбка ее была грустной, как осенний дождь. Зарник больше не метался, он нашел свое место на небе и теперь каждое утро поднимался над горизонтом, а каждый вечер уходил за него, оставляя после себя кроваво-красный закат. Услад освоил океаны и знал каждое течение, каждую впадину, каждый косяк рыб, мигрирующих с севера на юг и наоборот. Ведарь продолжал управлять твердью, поднимая и опуская материки, как опытный шахматист передвигает фигуры. А вот Кресень ковал и ковал.

И вот, когда Земля, казалось, достигла равновесия, из океана вышли те, кому было суждено стать третьими.

Уважаемый читатель, не ждите от меня описания великого события. Не было ни вспышки света, ни грома и гласа с небес. Они просто вышли. Сначала один, потом другой, потом их стало так много, что Ведарь, стоявший на своем любимом утесе, удивился:

- Откуда они взялись?

- Давно видимо здесь были, - ответила Тужь. - Просто мы не замечали.

И правда. Существа, которые стали третьей цивилизацией, не были похожи ни на Первых, ни на гигантов. Они были маленькими, даже очень маленькими. Они были коренастыми, широкоплечими, с короткими, но очень сильными ногами и длинными, цепкими руками. Их кожа напоминала кору древнего дуба - серая, в глубоких морщинах, покрытая наростами, которые, как позже выяснилось, были не просто так. В этих наростах они хранили воду, много воды. Они могли обходиться без питья целыми месяцами, просто выдавливая из своих «горбов» живительную влагу.

Лица у них были плоскими, с широкими скулами и маленькими, глубоко посаженными глазами. Глаза эти, кстати, видели в темноте не хуже чем при свете. А еще они умели различать тепло. Для них весь мир был разноцветным - красные пятна обозначали живые существа, синие - воду, желтые - солнечный свет.

Их называли по-разному. Высшие называли их просто - «Те, кто под землей». Потому что они жили не на поверхности, а под ней. В пещерах, в естественных пустотах которые образовались после того, как магма остыла и сжалась. В тоннелях, которые они сами прорывали своими цепкими, длинными пальцами.

Позже, когда люди найдут их кости и орудия труда, они

назовут их неандертальцами или еще как-то. Но это будет неправдой ибо неандертальцы пришли гораздо-гораздо позже и были совсем другими. Эти же были... карликами. Да, уважаемый читатель, я использую это слово, хотя знаю, что оно может показаться вам обидным или неточным. Но карлики это единственное слово, которое передает их суть.

Они были маленькими, но не слабыми. Их мускулы могли разорвать любую стальную цепь, как гнилую нитку. Они могли поднять камень, в десять раз превышающий их собственный вес и нести его на себе несколько километров. Они могли бежать сутками, не останавливаясь и прокапывать в горах тоннели, которые позже станут лабиринтами, пугающими людей.

Но самое главное - они были терпеливыми!

Уважаемый читатель, вы помните я говорил, что гиганты не умели ждать? Так вот, карлики умели, они могли ждать годами, десятилетиями, тысячелетиями. Они не знали слова «скоро», потому что для них не существовало будущего. Было только настоящее - бесконечное, тягучее, как смола, настоящее.

Они не строили городов. Зачем? Города это для тех, кто боится темноты и одиночества. Карлики же любили темноту. Она была их матерью, их отцом, их домом. В полной, абсолютной темноте, где даже Высшие не могли различать предметы, карлики чувствовали себя как рыба в воде. Они знали каждый выступ, каждый изгиб стен, каждый ход, ведущий к

подземному озеру или к выходу на поверхность.

Они выходили на поверхность редко. Только когда нужно было найти новую пищу или когда подземные реки меняли русло и затопляли их жилища. Тогда они выползали из своих нор, шурились на солнце (которое им совсем не нравилось - слишком яркое, слишком горячее) и бродили по лесам, собирая грибы, орехи, коренья.

Они не охотились, в этом не было смысла. Охота требует азарта, жестокости, желания убивать, у карликов же ничего этого не было. Они просто брали то, что само давалось в руки. Ягоды, упавшие с куста, рыбу, выброшенную на берег, яйца птиц гнездящихся на земле.

Они не убивали никогда. Даже когда на них нападали дикие звери - огромные, зубастые, с горящими глазами, карлики не убивали, они уходили. Просто уходили в свои пещеры, заваливали вход камнями и ждали, пока зверь уйдет сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.